PG 2505
.R85

1808

РУСКАЯ ПРОСОДІЯ,
ИЛИ
ПРАВИЛА,
КАКЪ ПИСАТЬ
РУСКІЕ СТИХИ,
Съ краткими замѣчаніями о разныхъ Родахъ Стихотвореній.

ДЛЯ ВОСПИТАННИКОВЪ
Благороднаго Университетскаго Пансіона.

По разсмотрѣнію Цензурнаго Комитета, учрежденнаго для Округа Императорскаго Московскаго Университета.

МОСКВА, 1808.
Въ Университетской Типографіи.

PG
2505
.R85
1808

Il ſeroit honteux d'ignorer quelles ſont les regles d'un langage, qui nous flatte ſi agréablement.

RESTAUT.

104837
'07

87-166301
07-27-88
EP62

РУСКАЯ ПРОСОДІЯ.

Поэзія есть одна изъ пріятнѣйшихъ наукъ. Ее называютъ наперсницею боговъ, усладительницею жизни человѣческой. И она того достойна, и всякой молодой благовоспитываемой человѣкъ, поставитъ непремѣннымъ долгомъ своимъ, познакомиться съ нею, сколько можно ближе. Мы, не входя здѣсь въ сущность ея; ибо это не наше дѣло — займемся только *языкомъ* Поэзіи, которой не есть обыкновенный, и которой, если вѣрить Стихотворцамъ, заимствовала она у самыхъ боговъ; — а яснѣе сказать, мы предложимъ здѣсь *краткія правила, какъ писать Рускіе стихи.*

О СТОПѢ.

Тотъ слогъ, которой мы протягиваемъ болѣе, нежели другіе, называется у Стихотворцовъ *долгимъ*, а прочіе *короткими*. Знакъ долгаго слога: —,

знакъ короткаго: ◡ . На пр. *время*, ◡ ◡ ◡ — ◡ ◡ ◡ ◡ — ◡ ◡ ◡ — ◡ — *уединеніе, благословляю, хорошо, плоды* ◡ — *наукъ*, и проч.

Односложныя слова могутъ быть по изволенію и *долгими* и *короткими*; хотя казалось бы, что по *натурѣ* своей, всѣ они должны быть *долгими*. По крайней мѣрѣ *высокія* односложныя слова не хорошо дѣлать короткими: на пр. *Богъ*, *мужъ*, *Князь*, *Графъ*, *Россъ*, и проч. (*).

У насъ въ каждомъ словѣ одинъ только слогъ долгой; но у Грековъ и Латинцовъ не рѣдко случается столько долгихъ въ одномъ словѣ, сколько слоговъ; потому что у нихъ все зависитъ отъ *силы* или *количества* глас-

---

(*) Есть также случаи, когда нѣкоторыя односложныя слова, особливо несклоняемыя частицы, должны быть непремѣнно *короткими*, а *не долгими*; на прим. надобно сказать: ◡ — ◡ *и ты*, а не *и ты*. Сюдажъ причисляются частицы: *да*, *же*, и можетъ быть нѣкоторыя, другія. Всего не льзя привести въ правила: что пропущено въ нашей Просодіи, то благоразумный Учитель самъ дополнитъ.

ныхъ буквъ (quantité des voyelles). — Также не лишнее замѣтить и то, что у насъ долгой слогъ можетъ быть и на *концѣ*, и въ *началѣ*, и въ *срединѣ*: напротивъ у Французовъ онъ всегда бываетъ на *концѣ*, потому что у нихъ во всѣхъ словахъ удареніе на послѣднемъ слогѣ.

Соединеніе *двухъ* или *трехъ* слоговъ вмѣстѣ, называется *стопою*.

Употребительнѣйшихъ стопъ въ нашемъ языкѣ пять:

1. *Ямбъ*. — Онъ состоитъ изъ двухъ слоговъ, изъ которыхъ первый короткой, а другой долгой: — *весна*, *любовь*, *блаженъ*, *въ совѣтъ*, и проч.

2. *Хорей*. — Онъ также, какъ и Ямбъ, состоитъ изъ двухъ слоговъ; только въ немъ первой слогъ долгой, а другой короткой: — *сердце*, *воля*, *домы*, *строю*, и проч.

3. *Пиррихій*. — Онъ состоитъ изъ двухъ же слоговъ, но только коротких, и собственно не составляетъ стопы; потому что нѣтъ у насъ сло-

ка, въ которомъ бы не было ударенія, и слѣдовательно, долгаго слога. Въ примѣръ:

Кругомъ | сѣдя|щія||на ол|тарѣ| форпу|ны

Явля|ются| цвѣты || и стра|шные| перу|ны,

сѣдя — будетъ ямбъ, а — *щія* — пиррихій; также — *явля* — ямбъ, а — *ются* — пиррихій. — Объ немъ сказать надобно, что онъ дѣлаетъ въ стихахъ нашихъ какую-то *вялость*, но въ длинныхъ словахъ избѣжать его не льзя. По крайней мѣрѣ желательно, чтобъ его не было въ концѣ полустишія или на цезурѣ, о которой будемъ говорить ниже. Впрочемъ не должно забывать и того, что эта стопа можетъ имѣть иногда цѣну. Когда, напримѣръ, Стихотворецъ хочетъ изобразить *дряхлость*, *медленность*, *неповоротливость* и тому подобное; то, кажется, приличнѣе побольше набрать пиррихіевъ. Да и смѣшно бы было, еслибъ Поэтъ, единственно для избѣжанія этой стопы, захотѣлъ слишкомъ много безпокоиться. Она не сдѣлаетъ ему большаго вреда; только надобно, чтобы все прочее въ стихахъ его было хорошо.

4. *Дактиль.* — Онъ состоитъ уже изъ трехъ слоговъ, изъ которыхъ первой долгой, а два послѣдующїе короткїе: — *мужество, томныя, радости,* и проч.

5. *Анапестъ.* — Эта стопа совершенной пестъ, и нигдѣ ея не найдешь, какъ развѣ у Тредьяковскаго и ему подобныхъ Авторовъ, да въ нѣкоторыхъ старинныхъ Рускихъ пѣсняхъ. Онъ противенъ дактилю, т. е. напереди имѣетъ два слога короткїе, а тамъ долгой: — *человѣкъ, людоѣдъ, умолять,* и проч.

Соединенїе нѣсколькихъ стопъ вмѣстѣ дѣлаетъ *стихъ.*

Стихи называются:

1) По числу стопъ, въ нихъ находящихся, *двустопными, трехстопными, четырехстопными* и т. д.

2) По роду стопъ, изъ которыхъ составлены, *ямбическими, хореическими, дактилическими,* или, по смѣшенїю дактиля съ хореемъ, *дактило-хореическими,* а анапеста съ ямбомъ, *анапесто-ямбическими.*

Прежде, нежели мы станемъ говорить о каждомъ родѣ сихъ стиховъ порознь, должно что нибудь сказать —

О РИѲМѢ.

Риѳма есть стройное, или лучше, *однозвучное* въ стихахъ окончаніе; — на примѣръ: *вѣкъ, человѣкъ; добродѣтель, владѣтель; время, бремя; любезный, полезный; плодъ, оплотъ;* и проч.

Примѣч. Новѣйшая Поэзія между прочимъ и *риѳмами* отличается отъ древней, Греческой и Римской.

Риѳмы можно раздѣлить вопервыхъ на *мужескія* и *женскія*, потомъ на *богатыя* и *полубогатыя*.

Мужеская риѳма называется та, въ которой на послѣднемъ слогѣ ударе-ніе, или — что все равно — въ которой послѣдній слогъ долгой: —

руна, твоя, чиста.

Женская риѳма напротивъ называется та, въ которой посѣдній слогъ короткой, а передпослѣдній долгой: — *совѣсть, мучитъ, злоба*, и проч.

Тутъ же кстати замѣтить, что въ риѳму идутъ только тѣ слова, въ которыхъ стоитъ удареніе или на *послѣднемъ* слогѣ, или на *предпослѣднемъ*. И потому *золото*, *зданіе*, *умствую*, *жертвоприношеніе*, *царствующій*, и имъ подобныя слова, не могутъ дѣлать риѳмы:

Самые стихи по риѳмамъ называются *мужескими* и *женскими*. Приведемъ что нибудь для примѣра.

На тѣ|мно|го|лубомъ| эеи|рѣ - *женс.*
Злата|я пла|вала| луна; - - - *мужес.*
Въ серебряной своей порфирѣ - *женс.*
Блистаючи съ высотъ она - - *мужес.*
Сквозь окна, домъ мой освѣщала.
И налевымъ своимъ лучемъ
Златыя стекла рисовала
На лаковомъ полу моемъ.
Сонъ томною своей рукою
Мечты и грезы разсыпалъ;
Кропя забвенія росою,
Моихъ домашнихъ усыплялъ.
Вокругъ вся область почивала;
Непрополь съ башнями дремалъ;
Нева изъ урны чуть мелькала;
Чуть Бельшъ въ брегахъ своихъ сверкалъ.
Природа въ тишину глубоку
И въ крѣпкомъ погруженна снѣ,
Мертва казалась слуху, оку,
На вышинѣ и глубинѣ.

Лишь вѣяли одни зефиры,
Прохладу чувствамъ принося. —
Я не спалъ, и со звономъ лиры
Мой тихой голосъ соглася:
„Блаженъ, воспѣлъ я, кто доволенъ
Въ семъ свѣтѣ жребіемъ своимъ,
Обиленъ, здравъ, покоенъ, воленъ,
И щастливъ лишь собой самимъ. *и проч.*

Моск. Журн. Часть I. стр. 3.

ИЛИ:

— ◡ — ◡ ◡ ◡ — ◡
Мать лю|безна|я, при|рода! – } *женс.*
Отъ ла|зоре|ваго| свода – – –}

— ◡ — ◡ ◡ ◡ —
Дождь шу|мящій|испо|шли – } *мужс.*
Оро|сить ли|це зе|мли! – – – –}

Все томится, унываетъ;
Зелень въ полѣ увядаетъ;
Сохнетъ травка и цвѣточекъ;
Нѣжный ландышь, василёкъ
Пылью сѣрою покрыты —
Не питаетъ ихъ роса . . .
Дѣти матерью забыты!
Солнце жжетъ, палитъ лѣса.
Птички въ рощахъ замолчали;
Ищутъ только холодка.
Ручейки журчать престали;
Истощилася рѣка.
Агнецъ пищи не находитъ:
Чегенъ холмъ и черенъ долъ.
Конь въ степи печально бродитъ;
Тощь и слабъ ревущій волъ. — *и проч.*

Мои Безд. Кн. II. ст. 152.

Что касается до *богатыхъ* и *полубогатыхъ* риѳмъ, то Стихотворцы, кажется, выдумали ихъ на зло судьбѣ,

которая самимъ имъ опредѣлила, по большой части, быть бѣдными. — *Богатыми* риѳмами называются тѣ, въ коихъ *два* или *три* слога *совершенно* однозвучны; а *полубогатыми* тѣ, кои не *очень* тѣмъ богаты. Въ примѣръ:

Блаженъ, кто самъ собой доволенъ,
Обиленъ, здравъ, покоенъ, воленъ!

Также:

Пустъ златомъ произволитъ звонъ,
Глупецъ отдастъ ему поклонъ,
А умной . . . *и проч.*

доволенъ и *воленъ* — будутъ богатыя риѳмы; а *звонъ* и *поклонъ* — полубогатыя.

Тѣмъ, кои еще только что начинаютъ знакомиться съ Музами, въ предосторожность надобно сказать, что нѣжное ихъ ухо, привыкшее къ стройной гармоніи, не можетъ терпѣть нѣкоторыхъ риѳмъ, особливо на *ати*, *аю*, *аешь*, и что вообще не очень пріятны имъ тѣ, кои дѣлаются изъ *глаголовъ*. Онѣ *любятъ* больше риѳмы изъ *существительныхъ именъ*; не противны имъ также изъ *прилагательныхъ* и *нарѣчій*.

Тутъ еще не худо замѣтить, что риѳмы почитаются отъ нѣкоторыхъ

пустыми гремушками. И это сущая правда, когда въ стихахъ только и достоинства, что риѳма; когда въ нихъ нѣтъ ни *огня*, ни *живости*, ни *силы*, ни *смѣлыхъ выимысловъ*, составляющихъ *душу* Поэзіи; однимъ словомъ: когда въ Стихотворцѣ нѣтъ *дара*. — Есть много сочиненій, которыя безъ риѳмъ и даже безъ стопъ, то есть, писанныя *прозою*, тѣмъ не менѣе однакожъ почитаются *лiитическими*. Къ сему роду сочиненій, въ особенности должно причислить *Телемака*, *Кадма Гармонію* и *Нуму Помпилія*. — Напротивъ, есть много стихотвореній, которыя не смотря на стройной размѣръ и на самыя богатыя риѳмы, суть не иное что, какъ *проза*, и притомъ очень *не богатая*. Это замѣчаніе нужно, особливо молодымъ писателямъ. Желая отъ всего сердца, чтобъ они имъ воспользовались, мы поступимъ далѣе.

Когда что писано *безъ риѳмъ, стопы* однакожъ *наблюденыя*, то такому сочиненію даютъ у насъ названіе *бѣлыхъ стиховъ*, какъ будто въ отличіе отъ черныхъ, которыхъ и нѣтъ совсѣмъ. Въ примѣръ стихи:

На случай грома.

Гремитъ! . . . благоговѣй, сынъ персти!
Се *ветхій деньми* съ небеси,
Изъ кроткой, благотворной длани
Перуны сѣетъ по земли. —
Всесильный! съ трепетомъ младенца
Цѣлую я, священный край
Твоей молніеносной ризы,
И . . . изчезаю предъ тобой!..

Что человѣкъ? паритъ ли къ Солнцу
Смиренноль идетъ по земли:
Увы! тамъ умъ его блуждаетъ,
А здѣсь стопы его скользятъ!
Подъ мракомъ, въ океанѣ жизни
Пловецъ на ушлой ладіѣ,
Отдавши руль слѣпому року,
Онъ спитъ — и мчится на скалу!

Ты дхнешь, и двигнешь Океаны;
Речешь, и вспять они текутъ:
А мы — одной волной подъяты,
Одной волной поглощены! —
Вся наша жизнь, о Безначальный!
Предъ тайной вѣчностью Твоей . . .
Едва минутное мечтанье,
Лучь блѣдный утренней зари. —

Сочин. Дмитр. часть. 3.

Въ заключеніе о риемахъ должно сказать что нибудь и о такъ называемомъ *сочетаніи мужескихъ* риемъ, или стиховъ, съ *женскими*. Подъ симъ сочетаніемъ, особливую красоту стихотворства составляющимъ, разумѣется нѣкоторое искусственное перемѣшеніе стиховъ. Оно дѣлается различными обра-

зами. Можно, напримѣръ, послѣ двухъ женскихъ стиховъ поставить два мужескіе, или непосредственно послѣ женскаго мужской; — либо напереди мужеской, тамъ два женскіе, а тамъ опять мужеской, и на оборотъ; или, иначе. Примѣровъ этому вездѣ множество, и для того нѣтъ нужды приводить ихъ. Замѣтимъ только, что не хорошо, когда *сряду* будутъ *четыре женскіе* стиха, или *четыре мужескіе*, а и того хуже, когда *вся* пїэса будетъ состоять либо изъ *однихъ женскихъ*, либо изъ *однихъ мужескихъ*. Что касается до бѣлыхъ стиховъ, то хотя нѣкоторые Стихотворцы и въ нихъ наблюдаютъ сочетаніе — какъ то видно изъ приведеннаго здѣсь примѣра — однакожъ вообще можно сказать, что бѣлые стихи не подвержены этому правилу. Ихъ позволено перемѣшивать, какъ кому угодно. Впрочемъ есть и такія пїэсы, которыя хотя и не бѣлыми стихами писаны, однакожъ состоятъ все изъ однихъ мужескихъ, или изъ однихъ женскихъ. Примѣромъ первому можетъ послужить прекрасная ода М. В. Ломоносова:

Лице | свое | крыва | етъ день,
Поля покрыла мра | чна нощь,
Взошла на горы чер | ча тѣнь;
Лучи отъ насъ склони | лись проч.
Открылась бездна звѣздъ | полны:
Звѣздамъ числа нѣтъ, без | днѣ дна. —
и проч.

Не знаю однакожъ, для всякаго ли уха будетъ пріятна такая монотонія? —

О СТИХѢ ЯМБИЧЕСКОМЪ.

Никакой стихъ не долженъ имѣть болѣе *шести* стопъ, иначе трудно будетъ читать стихи. Самой даже шестистопный раздѣляется на двѣ половины — что и есть *цезура* или *сѣченіе* — дабы такимъ образомъ, въ два пріема, легче было произнести его. Шестистопный стихъ называется также *Гекзаметромъ*, *Александрійскимъ* и *Героическимъ*. Примѣры:

Какъ царства па|дали|| къ стопамъ|
Ека|терины, - *женс.*
Россъ Ше|леховъ|безъ войскъ,|| безъ гро|
моносныхъ силъ - *муж.*
Притекъ | въ Аме|рику| | чрезъ бур|ныя|
пучи|ны,
И но|ву об|ласть Ей|| и Богу по|корилъ.

Аониды, Кн. II, стр. 192.

ИЛИ:

Въ пещерахъ внутреннихъ Кавказскихъ,
снѣжныхъ горъ
Куда не досягалъ отважный смертныхъ взоръ;
Гдѣ мразы, вѣчный сводъ кристальный составляютъ
И солнечныхъ лучей паденье притупляютъ;
Гдѣ молнія мерцва, гдѣ цѣпенѣетъ громъ:
Изсѣченъ изо льда стоитъ прозрачный домъ.
Тамъ бури, тамо хладъ, тамъ вьюги, непогоды;
Тамъ царствуетъ *Зима*, снѣдающая годы.
Сія жестокая другихъ временъ сестра,
Покрыта сѣдиной является бодра;
Соперница весны, и осени, и лѣта,
Бѣлѣйшею снѣговъ порфирою одѣта;
Виссономъ служатъ ей замерзлые пары,
Престолъ имѣетъ видъ алмазныя горы;
Огромные столбы изъ льда сооруженны,
Сребристый мещутъ блескъ, лучами озарены;
По сводамъ солнечно сіяніе скользитъ,
И кажется, тогда громада льдовъ горитъ.
Стихія каждая бездушный видъ имѣетъ:
Ни воздухъ двигаться, ни огнь пылать не смѣетъ;

Тамъ зримы кажутся вѣщаемы слова:
Но все умерщвлено, натура вся мертва;
И если что ни есть, имѣетъ жизни свойство,
Такъ трепетъ то единъ, дрожь, блѣдность, безпокойство.
Сѣдые мразы тамъ сѣдыхъ раждаютъ чадъ:
Кудрявы инеи, мятели, томный гладъ.
Развалины градовъ снѣга изображаютъ,
Единымъ видомъ кровь которы застужаютъ;
Нетающи снѣга подобятся горамъ;
Студеным ъ воздухомъ пещеры дышутъ тамъ. —
Оттолѣ къ намъ зима державу простираетъ,
Въ лугахъ траву, цвѣты въ долинахъ пожираетъ;
Ея со трепетомъ лѣса и рощи ждутъ,
И стужи ей ковры изъ бѣлыхъ волнъ прядутъ;
На всю натуру сонъ и страхъ она наводитъ.

Россіяда, пѣснь XII.

Въ каждомъ, изъ приведенныхъ здѣсь стиховъ, послѣ начальныхъ трехъ стопъ слѣдуетъ остановка или цезура, которая въ первыхъ четырехъ означена *двумя* черточками. О *цезурѣ* здѣсь можно замѣтить вопервыхъ то, что она бываетъ только въ шестистопныхъ и пятистопныхъ стихахъ; вовторыхъ что слово на цезурѣ непремѣнно должно *кончиться*; иначе, если часть его перейдетъ въ другое полустишіе, то это будетъ грубая, непростительная погрѣ-

шность. То же надобно замѣтить о предлогѣ и его падежѣ: имъ необходимо должно быть въ одномъ полустишіи (*).

Вообще шестистопные ямбическіе стихи опредѣлены для *Поэмъ Эпическихъ*, для *Трагедій*, стихотворческихъ *Посланій* или *Эпистолъ*, *Сатиръ*, и проч. — Такими стихами писаны на нашемъ языкѣ поэмы: *Петръ Великій*, *Россіяда*, *Владиміръ*, также, *Суворіада* и (въ комическомъ родѣ) *Елисей* и *Игронъ* Майкова; *Эпистола* къ И. И. Шувалову *о пользѣ стекла*, всѣ Сумарокова и Княжнина *Трагедіи*, Капнистова *Сатира на нравы*, не малое число *Элегій* и *Эклогъ*, и множество другихъ сочиненій.

Тутъ надобно замѣтить, что въ важныхъ и длинныхъ стихотвореніяхъ, какови: *Эпопея*, *Трагедія*, *Комедія*, и проч. сочетаніе мужескихъ стиховъ съ женскими дѣлается не иначе, какъ *попарно*.

Пятистопные (пентаметры) *ямбическіе* не очень употребительны;

(*) Боало вопъ что говоритъ о цезурѣ:

Que toujours dans vos vers, le sens coupant les mots
Suspende l'hémistiche, en marque le repos.

ими рѣдко что пишется одними, и для того ихъ можно пройти въ молчанїи. Скажемъ только, что цезура въ нихъ дѣлается послѣ двухъ первыхъ стопъ, а иногда и послѣ трехъ. Примѣры можно найти въ Басняхъ, не ровными стихами писанныхъ; — какъ-то:

Въ займы| просилъ| |олень| себѣ| сѣнца:
Ссуди| меня,|| суда|рыня| овца;
Я все| отдамъ, || въ томъ волкъ| тебѣ| пору|
кой. — *и проч.*

Четырехстопные (тетраметры) *ямбическіе* болѣе всего употребительны. Ими пишутся *Оды*, *Пѣсни* и многїя другїя мѣлкїя пїесы. Цезуры въ нихъ нѣтъ. Примѣры:

Престань,|мой другъ,| Поэтъ| любез|
ный! - *ж.*
Роптать|на скуд|ный жре|бїй свой, - *м.*
И знай, что бѣдность и покой - - *м.*
Для сердца могутъ быть прелестны. *ж.*
Фортуна-мачиха тебя
За-что то очень не взлюбя,
Пустой сумою наградила,
И въ мїръ съ клюкою отпустила;
Но истинно-родная мать,
Природа любитъ награждать
Нещастныхъ пасынковъ фортуны:
Даетъ имъ умъ, сердечный жаръ,
Искуство пѣть, чудесный даръ
Вливать огонь въ златыя струны,

Сердца гармоніей плѣнять.
Ты сей безцѣнный даръ имѣешь,
Стихами чистыми умѣешь
Любовь и дружбу прославлять;
Какъ птичка въ бѣломъ свѣтѣ воленъ,
Не знаешь клѣтки, ни оковъ —
Чего же больше? будь доволенъ;
Вздыхать, роптать — есть страсть глупцовъ.

Аониды. Кн. II. стр. 35.

ИЛИ:

Съ косою острой, кровожадной,
Съ часами быстрыми въ рукахъ,
Съ сѣдой, всклокоченой бородою,
Кидая всюду страшный взоръ,
Сатурнъ несытый и свирѣпый
Паритъ черезъ вселенну всю;
Паритъ — и груды оставляетъ
Развалинъ слѣдомъ за собой.

Валятся дубы вѣковые,
Трясутся горъ предъ нимъ сердца,
Трещатъ забрала и шпердыни,
И мѣдны рушатся врата.
Падутъ и троны и начальства,
Истлѣетъ посохъ, какъ и скиптръ,
Вѣнцы лавровые поблекнутъ,
Трофеи гордые сгніютъ. — *и проч.*

П. и п. пр. врем. ч. XVII. ст. 154.

Такими же стихами писаны всѣ торжественныя Оды М. В. Ломоносова; Ода *Богъ*, *Изображеніе Фелицы*, *Вельможа*, *Коварство*, *Водопадъ*, *Соловей*, и проч. и проч. — Замѣтивъ при семъ вообще о стихахъ, что *ям-*

бы гораздо другихъ *величественнѣе*, и идутъ какъ бы въ гору; что *хореи* гораздо *нѣжнѣе*, и идутъ какъ бы съ горы припрыгивая; что дактили будто *пляшутъ*, а анапесты *переваливаются*, замѣтивъ также, что не мало придаетъ красоты стихамъ то, когда въ стопахъ слова будутъ стоять не отдѣльно, каждое само собою, а такъ, чтобы часть одного слова переходила въ слѣдующую стопу (*валят|ся ду|бы вѣ|ковы|е*), — мы не станемъ долѣе мѣшкать на ямбическихъ. О *трехстопныхъ* (триметрахъ), *двустопныхъ* (диметрахъ) и даже, *одностопныхъ*, какъ изрѣдка употребительныхъ, не упоминаемъ.

О СТИХѢ ХОРЕИЧЕСКОМЪ.

Шестистопные и *пятистопные* хореическїе стихи, остались можетъ быть, въ старинныхъ нашихъ Стихотворцахъ, въ тредьяковскомъ, на примѣръ, и его подражателяхъ. Тѣ хореи-

ческіе, въ которыхъ меньше четырехъ стопъ, очень рѣдко употребляются; почему *четырехстопные* особливое заслуживаютъ вниманіе. *Женской* четырехстопный имѣетъ *ровно четыре* стопы, а *мужеской* безъ *полустопы четыре*, какъ-то видѣть можно изъ примѣровъ:

Жилъ-былъ| въ свѣтѣ|доброй|

Царь, - } *м.*
Православной Государь; - - - - }

Всѣ сердца с|го лю|били, - - - - } *ж.*
Всѣ отцомъ и другомъ чтили. }

Любитъ Царь дѣтей своихъ,
Хочетъ онъ блаженства ихъ:
Санъ, великость забываетъ,
Тронъ, порфиру оставляетъ.

Царь, какъ странникъ, въ путь идетъ
И обходитъ цѣлой свѣтъ.
Посохъ есть ему — держава,
Всѣ опасности — забава.

Для чегожъ оставилъ онъ
Царскій санъ и свѣтлый тронъ?
Для чего ему скитаться,
Хладу, зною подвергаться? —

Чтобъ вѣздѣ добро сбирать,
Душу, сердце украшать
Просвѣщенія цвѣтами,
Трудолюбія плодами. —

Для чегожъ ему желать
Душу, сердце украшать
Просвѣщенія цвѣтами,
Трудолюбія плодами? —

Чтобы мудростью своей
Озарить умы людей,
Чадъ и подданныхъ прославить,
И въ *искусствѣ жить* наставить.
О Великой Государь,
Первый, первый въ свѣтѣ Царь! —
Всю вселенную пройдете,
Но другаго не найдете.

ИЛИ:

Съ бѣлыми Борей власами,
И съ сѣдою бородой,
Потрясая небесами,
Облака сжималъ рукой;
Сыпалъ инеи пушисты,
И мятели воздымалъ;
Налагая цѣпи льдисты,
Быстры воды оковалъ;
Вся природа содрогала
Отъ лихова старика;
Въ камень землю претворяла,
Хладъ нося его рука. — *и проч.*

Стихи на рож. Проф. Отрока.

Такимъ же образомъ написаны многія Оды, особливо *Анакреонтическія*, нѣкоторыя *Идилліи*, *Пѣсни* и не мало другихъ пѣесъ.

Здѣсь остается только упомянуть о тѣхъ хорическихъ стихахъ, въ которыхъ *послѣдняя* стопа всегда *дактиль*. Риемъ они не терпятъ; въ старину были очень употребительны: то есть, въ почтенныя прапрадѣдовскія времена, нещастный или щастливый

другъ, отецъ, супругъ, сынъ, и сильный-могучій богатырь, томящійся въ полону у невѣрныхъ, или жаждущій сразиться съ врагомъ отечества, но удерживаемый горами и рѣками, всегда почти въ такихъ стихахъ изливали чувства своего сердца — чувства радости, скорби, негодованія: я хочу сказать, что ими писаны всѣ почти старинныя Русскія пѣсни. — Въ наше время Г. Карамзинъ сдѣлалъ весьма удачной опытъ, употребивъ эту мѣру въ богатырской своей сказкѣ: *Илья Муромецъ*. Для примѣра, приведемъ изъ приступа то мѣсто, гдѣ Поэтъ, начиная повѣствованіе, зоветъ съ собою читателя не на утесистой Парнасъ, но къ прозрачному ручейку, подъ тѣнь древнихъ дубовъ.

— ◡ — — ◡ — ◡ ◡
Не хо|чу я|на Па|*насъ итти*,
Нѣтъ! Парнасъ гора вы|*сокая*
И дорога къ ней не|*гладкая*.
Я видалъ, какъ наши витязи,
Наши Стихо-риѳмо-дѣтели,
Упиваясь одопѣніемъ
Лѣзутъ на вершину Пиндову,
Обступаются и внизъ летятъ,
Не съ вѣнцами и не съ лаврами,
Но съ ушами (ахъ!) ослиными
Для позорища насмѣшникамъ!
Нѣтъ, любезные читатели!
Я прошу васъ не туда съ собой;

Близъ моей смиренной хижины,
На брегу рѣки прозрачныя,
Роща древняя, дубовая
Насъ укроетъ отъ лучей дневныхъ.
Тамъ мой дѣдушка на старости
Въ жаркой полдень отдыхалъ всегда;
Тамъ виситъ его пернатый шлемъ,
Тамъ виситъ его булатный мечь. — *и проч.*

Агл. Кн. II. стр. 173.

Этотъ примѣръ довольно показываетъ, что такіе стихи очень непротивны нашему слуху, и, какъ мнѣ кажется, они болѣе сродны къ выраженію томныхъ и горестныхъ чувствъ стѣсненнаго скорбію сердца, нежели шумныхъ, бурливыхъ радостей, и вообще, къ описанію чего нибудь печальнаго, нежели веселаго. Въ тонѣ ихъ есть какая-то унылость. Какъ бы то ни было, только Стихотворцамъ нашимъ остается болѣе и болѣе въ нихъ упражняться, чтобы сдѣлать ихъ для насъ, еще пріятнѣе.

О СТИХѢ ДАКТИЛИЧЕСКОМЪ.

Шестистопныхъ и *пятистопныхъ* дактилическихъ стиховъ нѣтъ; *четырехстопные* употребляются рѣдко, а по большой части *трехстопные* и *двустопные*. Для сего, замѣтивъ только,

что *женской* дактилической стихъ *на концѣ* имѣетъ всегда *полнаго хорея*, а *мужеской одинъ* только *долгой слогъ*, приведемъ, не распространяясь далѣе, что нибудь для примѣра.

ТРЕХСТОПНЫЕ.

— ◡ ◡ — ◡ ◡ —
Мы тебя| любимъ сер|дечно, } *жен.*
Будь ты начальникомъ вѣчно, }

— ◡ ◡ — ◡ ◡ —
Наши за|жегъ ты серд|ца, - } *муж.*
Мы въ тебѣ видимъ отца; - }
Ради съ тобою мы въ болу,
Ради въ огонь, въ непогоду. — *и проч.*

Опера: Добрые Солдаты.

ДВУСТОПНЫЕ.

— ◡ ◡ — ◡
Ночь лишь седь|мую

— ◡ ◡ — ◡
Мрачнаго| трона

— ◡ ◡ —
Степень пре|шла;
Съ Росска Сѣна
Звѣзду златую
Смерть сорвала.
Лучь, покатяся
Съ синяго неба,
Въ безднѣ погасъ. — *и проч.*

П. и п. пр. врем. Ч. V. стр. 198.

Это правило однакожъ не связываетъ Поэта; онъ можетъ писать и *одними женскими* стихами, не наблюдая *одинакой* мѣры, и даже не гоняясь

за *риѳмами*, которыхъ вдохновенный дактиль, по мнѣнїю другихъ, почти не терпитъ. Въ примѣръ: *Осень* —

— ◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡
— ◡ ◡ — ◡

Вѣютъ о | сеннїе | вѣтры
Въ мрачной ду | бровѣ;
Съ шумомъ на землю валятся
Желтые листья,
Поле и садъ опустѣли,
Сѣтуютъ холмы;
Пѣнїе въ кущахъ умолкло —
Скрылися птички.
Позднїе гуси станицей
Къ югу стремятся,
Плавнымъ полетомъ несяся
Въ горьнихъ предѣлахъ.
Вьются сѣдые туманы
Въ тихой долинѣ;
Съ дымомъ въ деревнѣ мѣшаясь,
Къ небу восходятъ.
Странникъ, стоящїй на холмѣ,
Взоромъ унылымъ
Смотритъ на блѣдную осень,
Томно вздыхая.
Странникъ печальный, утѣшься!
Вянетъ природа
Только на малое время;
Все оживится,
Все обновится весною;
Съ гордой улыбкой
Снова природа возстанетъ,
Въ брачной одеждѣ.
Смертный, ахъ! вянетъ на вѣки!
Старецъ весною,
Чувствуетъ хладную зиму
Ветхїя жизни.

О СТИХѢ ДАКТИЛО-ХОРЕИЧЕСКОМЪ.

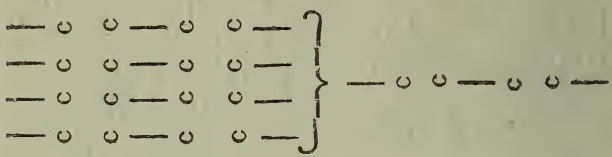
Если не льзя соединить хорея съ ямбами или анапестами, то можно съ дактилями, и изъ сего соединенія дѣлается стихъ *дактило-хореической*. Въ такомъ случаѣ, когда дактило-хореическіе стихи будутъ гекзаметры, Стихотворецъ въ первыхъ четырехъ стопахъ, по изволенію, можетъ поставить все дактили, можетъ поставить и все хореи, или можетъ перемѣшать ихъ, смотря по тому, болѣе ли медленности, или болѣе стремительности требуютъ чувства и картины, имъ описываемыя; что касается до двухъ остальныхъ стопъ, то въ *послѣдней* непремѣнно долженъ быть *хорей*, равно какъ въ *передпослѣдней* всегда *дактиль*. Когда что пишется одними дактило-хореическими гекзаметрами, то они не принимаютъ риѳмы. Эти стихи, естьли не ошибаюсь, теперь совсѣмъ неупотребительны; но въ старину была на нихъ великая мода: извѣстная *Тилемахида* Г. тредьяковскаго вся изъ нихъ составлена. Для любопытства приведемъ что нибудь въ примѣръ. Вотъ описаніе достопочтеннаго старца Термозириса. — Кн. 1. стр. 26. —

Сей престарѣлый имѣлъ главу вла-
совъ обнаженну;
Та челиста была, а чело съ морщинами
вмалѣ;
Долгая, даже за перси, брада сѣдая висѣла,
Станъ его высокъ, величественъ, лѣпосано-
венъ;
Цвѣтъ въ лицѣ свѣжъ и румянъ, проница-
тельны очи,
Голосъ тихъ у него, а просты слова и пріятны. — *и проч.*

Въ шестистопныхъ дактило-хореическихъ цезуры нѣтъ.

Что касается до пятистопныхъ, то одними этими стихами ничего не пишутъ, а мѣшаютъ ихъ иногда съ шестистопными; въ такомъ случаѣ и риѳма позволяется; только сочетаніе это бываетъ не иначе, какъ чрезъ стихъ: т. е. прежде ставится шестистопный, а тамъ пятистопный, потомъ опять тотъ, потомъ этотъ, и такъ далѣе. Пятистопной дактило-хореической стихъ строеніемъ своимъ нѣсколько отличенъ отъ шестистопнаго. Въ немъ есть цезура послѣ двухъ первыхъ стопъ и одного слога долгаго, за которымъ слѣдуютъ еще двѣ стопы и еще слогъ долгой. *Обѣ* стопы въ *первомъ* полустишіи могутъ быть и *дактили*, могутъ быть и *хореи*,

или одна дактиль, *другая* хорей, либо на оборотъ; но въ *послѣднемъ* непремѣнно должны быть *обѣ дактили*. Изображеніе его такое:



Слѣдовательно онъ всегда будетъ мужеской и не можетъ дѣлать риѳмы съ шестистопнымъ, которой всегда есть женской, а дѣлаетъ риѳму, черезъ стихъ, съ другимъ пятистопнымъ. Такими стихами теперь ничего не пишутъ, но въ старину они были довольно употребительны. Для свѣденія приведемъ что нибудь въ примѣръ:

Всѣ воз|дайте хва|лу я|зыцы все|вышнему|
Богу;
Похва|лите Его|| отрокъ и старъ
чело|вѣкъ.
Утвер|дилъ Онъ на|насъ сво|ю пре|щедру и|
многу
Милость, и| правда Е|го|| есть неру|
шима во| вѣкъ.

Всякъ можетъ видѣть, что примѣръ этотъ очень не хорошъ; но гдѣ взять лучшій?

Дактило-хореическіе четырехстопные стихи, въ которыхъ *хорей* ставится и на *концѣ* и въ *срединѣ*, отмѣнно для насъ пріятны. Примѣръ:

— ○ ○ — ○ — ○ ○ — ○
— ○ ○ — ○

Многіе | Барды, | лиру на | строя,
Смѣло и | граютъ, по | ютъ;
Звуки ихъ лиры, гласы ихъ пѣсней
Мчатся по рощамъ, шумятъ.
Многіе Барды, тоны возвыся,
Страшные битвы поютъ;
Въ звукахъ ихъ пѣсней слышны удары,
Стонъ пораженныхъ и смерть.
Многіе Барды, тоны унизя,
Сельскую радость поютъ —
Нравы невинныхъ, кроткихъ пастушекъ
Сладость, утѣхи любви. — *и проч.*

Мои Безд. Кн. II. стр. 180.

Быть можетъ я ошибаюсь, только мнѣ кажется, что дактило-хореическіе стихи, столько жъ свойственны нашему языку и столько жъ непротивны слуху, сколько ямбическіе и хореическіе. Доказательствомъ сему служатъ нѣкоторыя пїэсы, въ наше уже время писанныя дактило-хореическими четырехстопными. Въ нихъ есть особливая

какая-то пріятность. Отъ чего жъ шестистопные и пятистопные дактилохореическіе кажутся намъ нѣсколько дики? Отъ того, что мы не обращаемъ на нихъ вниманія, и что писали ими одни старинные наши Поэты, которыхъ языкъ былъ еще очень необработанъ, и которые не знали, что такое *вкусъ*. Пусть кто нибудь изъ теперешнихъ нашихъ Стихотворцовъ — ие тѣхъ однако, кои сами себя называютъ Стихотворцами, но коихъ разборчивая Публика удостоила лестнаго сего титла — пусть, говорю, сдѣлаетъ опытъ; пусть напишетъ намъ такими стихами что нибудь достойное вниманія знатоковъ: и мы найдемъ можетъ быть въ семъ стихотвореніи болѣе музыки, болѣе живости, плавности, стройности, нежели думаемъ; можетъ быть примѣръ подѣйствуетъ, и Поэзія наша получитъ новое приращеніе (*).

(*) Теперь слѣдовало бы говорить о стихахъ *анапесто-ямбическихъ*; но какъ они не много имѣютъ въ себѣ пріятности, а притомъ не только въ наше время не употребительны, да и прежде ими весьма мало писали; и какъ сверьхъ того всякой самъ можетъ

О СТИХАХЪ ПО СЛОГАМЪ.

Замѣчанія наши о стихахъ сего роду будутъ кратки; тутъ нечего много говорить. Въ нихъ стопъ не наблюдали. Стоило только набрать извѣстное число слоговъ — однакожъ не болѣе тринадцати и не менѣе, кажется, четырехъ — да поставить на концѣ риѳму, такъ стихъ былъ и готовъ. Нѣкоторые жъ писали такіе стихи и безъ риѳмъ. Что касается до цезуры, то она употреблялась только въ большихъ стихахъ, т. е. въ тѣхъ, кои заключали въ себѣ отъ 9 до 13 слоговъ, а прочіе были безъ цезуры. Чудные стихи! отними риѳму, и останется — проза. Между тѣмъ въ старину кромѣ ихъ (да тѣхъ хореическихъ, о которыхъ говорено на стр. 31 и 32) у насъ никакихъ другихъ не знали, но теперь они совсѣмъ оставлены (*). Чтобы подать нѣсколько яснѣйшее объ нихъ понятіе, не худо привести что нибудь для примѣра.

примѣнить къ анапесто-ямбическимъ, что сказано о дактило-хореическихъ: то мы ихъ оставляемъ.

(*) Кто хочетъ познакомиться короче съ этими стихами, тотъ пусть читаетъ *по-*

СТИХИ ИЗЪ 13 СЛОГОВЪ.

Ѣздокъ, что въ чужой землѣ, | ему неизвѣстной,
Видитъ на пути своемъ | лѣсъ вкругъ себя тѣсной,
Рѣки, болоты, горы | и стремнины стремнины,
И оставя битой путь, | ищетъ пути ины —
Бѣдной блудитъ; многія, | гдѣ меньше онъ чаетъ,
Трудности и наконецъ | погибель встрѣчаетъ:
Такъ въ теченіи житья, | гдѣ предлежатъ многи
Бѣдства и страхъ, гибнетъ тотъ | конечно, кто ноги
Сведетъ съ пути, гдѣ свои | разставила вѣхи
Добродѣтель, сгладивъ всѣ | опасны помѣхи.

ИЗЪ 11 СЛОГОВЪ.

Не знаю, кто ты, | Пророче рогатый (*)!
Знаю, коликой | достоинъ ты славы:
Да почто жъ было | имя укрывати?
Знать тебѣ страшны | сильныхъ глупцовъ нравы.
Плюнь на ихъ грозы; | ты блаженъ прикрасы!
Благо, что далъ Богъ | умъ тебѣ толь здравый!
Пусть весь мїръ будетъ | на тебя гнѣвливый,
Ты и безъ щастья | довольно щастливый.

Ѳеоф. Прокопов.

сланіе Харитона Макентина о правилахъ Рускаго стихосложенія, напечатанное въ началѣ писемъ К. Горація Флакка, переведенныхъ съ Лат. на Руской, стихами, въ Санктпетербургѣ, при Академіи наукъ 1788 года; — а примѣромъ послужатъ ему эти самыя Письма, Сатиры Кн. Кантемира и другія стихотворенія древнихъ нашихъ Поэтовъ.

(*) Ѳеофанъ Прокоповичъ называетъ здѣсь Стихотворца - сатирика Пророкомъ рога-

О НЕРОВНЫХЪ СТИХАХЪ.

Неровными стихами называются тѣ, кои не одинакое число стопъ въ себѣ заключаютъ. Такими стихами писана прекрасная Богдановичева *Душенька*; Стихотвореніе Петрова, исполненное разительныхъ мыслей и прямо піитическихъ картинъ, подъ заглавіемъ: *Плачь и утѣшеніе Россіи*; всѣ Сумарокова *Притчи*; *Басни и Сказки* Дмитріева, и многія другія піэсы. Здѣсь для примѣра приведемъ

Б а с н ь:

Соловей, Галки и Воронъ.

Прошедшею весною,
Вечернею зарёю
Въ лѣсочкѣ семъ пѣвалъ, любезный соловей.
Пришла опять весна; гдѣ другъ души моей?
Ахъ нѣтъ его! за чѣмъ онъ скрылся? —
За чѣмъ въ лѣсочкѣ поселился
Хоръ галокъ и воронъ? Онѣ и день и ночь
Кричатъ, усталости не знаютъ,
И слухъ людей (увы!) безжалостно терзаютъ!
Что жъ дѣлать соловью? — Летѣть подалѣ прочь!

Жестокіе врали и прозой и стихами!
Какому соловью пѣть можно вмѣстѣ съ вами?

тымъ: — *Пророкомъ* потому, что древніе приписывали сіе названіе Стихотворцамъ; а *рогатымъ*, какъ видно, потому, что Сатирикъ острыми шутками и насмѣшками какъ бы рогами колетъ порочныхъ. Ѳеофанъ сочинилъ эту эпиграмму, естьли не ошибаюсь, Кн. Кантемиру.

ИЛИ:

Разговоръ Горлицы

съ Прохожимъ.

П. Что такъ пельчано ты воркуешь на кусточкѣ?
Г. Тоскую по моемъ дружочкѣ. —
П. Не ужь ли онъ тебѣ, невѣрный, измѣнилъ?
Г. Ахъ нѣтъ! стрѣлокъ его убилъ. —
П. Нещастная! страшись и ты его руки.
Г. Что нужды? вѣдь умру жь съ тоски!

Въ заключеніе о неровныхъ стихахъ надобно сказать, что хотя они по большой части бываютъ *однородные*, то есть либо все *ямбическіе*, либо все *хореическіе* и проч.; но нерѣдко случается, что бываютъ и *разнаго рода*, то есть, что послѣ нѣсколькихъ *хореическихъ* слѣдуетъ нѣсколько *ямбическихъ*, а тамъ *дактилическихъ* и т. д. Примѣровъ этому приводить не нужно, хотя ихъ можно найти. Любопытной прочтетъ 136 Псаломъ, переведенной Русскими стихами, въ книжкѣ, подъ заглавіемъ: *Нѣкоторое подражаніе Пѣснямъ Давидовымъ.* Онъ начинается хореями:

На рѣкахъ мы Вавилонскихъ
Слезы о стѣнахъ Сіонскихъ
Лили горькія изъ глазъ.
О Сіонѣ вспоминали,
Въ Вавилонѣ воздыхали,
Въ тяжкій, лютый плѣна часъ. — *и проч.*

О СТРОФѢ или КУПЛЕТѢ.

Строфою называется *совокупленіе* нѣсколькихъ стиховъ, только не менѣе *трехъ* и не болѣе *двенадцати*.

Нѣкоторые изъ нашихъ Стихотворцовъ дѣлаютъ строфы изъ 14 стиховъ; но мнѣ кажется, это не совсѣмъ хорошо. Въ самомъ дѣлѣ, если строфа у Поэта будетъ то же, или почти то же, что у Ритора періодъ; если въ ней долженъ заключаться по крайней мѣрѣ большою частію нѣкоторый особый, опредѣленный смыслъ; и если, по этому, должно произносить ее съ малыми только остановками, чтобъ не прервать связи мыслей, и притомъ сдѣлать всѣ нужныя перемѣны голоса — всѣ напряженія, возвышенія и пониженія, какихъ требуетъ свойство описываемаго предмета: то, спрашивается, какъ все это соблюсти въ строфѣ, слишкомъ длинной? При томъ надобно гдѣ нибудь остановиться, и — по моему мнѣнію — 12 стиховъ есть граница для самаго большаго куплета. Иначе естьли одинъ позволитъ себѣ строфы въ 14 стиховъ, то другой станетъ дѣлать въ 16, 18, 20 и т. д.

Стихи въ строфѣ или слѣдуютъ попарно, то есть, прежде два женскіе, а потомъ два мужескіе, потомъ опять два женскіе, и такъ далѣе; или — что чаще случается — бываютъ перемѣшаны извѣстнымъ образомъ. Это зависитъ отъ воли Стихотворца; только надобно, чтобъ онъ удержалъ такое же сочетаніе и въ послѣдующихъ строфахъ, какое сдѣлаетъ въ первой. Впрочемъ, говорятъ, нѣтъ правила безъ изключенія. Примѣры:

СТРОФА ИЗЪ ТРЕХЪ СТИХОВЪ:

Страшно въ могилѣ хладной и темной! —
Вѣтры тамъ (*) воютъ, гробы трясутся,
Бѣлыя кости стучатъ — *и проч.*

Мои Безд. Ч. II. стр. 137.

ИЗЪ ЧЕТЫРЕХЪ СТИХОВЪ:

Ты, Время, быстрыми крылами
По всей подсолнечной паришь;
Пуская стрѣлы за стрѣлами,
Все рушишь, прашишь и разишь. — *и проч.*

Моск. Журн. Часть I. стр. 7.

ИЗЪ ПЯТИ:

Сѣдящъ увѣнчанъ осокою
Въ тѣни развѣсистыхъ древесъ,
На урну облегшись рукою,
Являющій лице небесъ,
Прекрасный вижу я Источникъ. — *и проч.*

Соб. Люб. Росс. сл. Ч. III стр. 3.

(*) Т. е. на кладбищѣ.

ИЗЪ ШЕСТИ:

Прямый Герой стяжаньми недвижимъ,
Онъ строгъ къ себѣ и благъ ко ближнимъ;
Къ богатствамъ, титламъ, власти, славѣ,
Внутри онъ сердца не приверженъ:
Сокровище его любезно —
Спокойный духъ и чиста совѣсть. — *и проч.*

Памятникъ Героя.

ИЗЪ СЕМИ:

Что можетъ быть тебя святѣе,
О Милость, дщерь благихъ Небесъ!
Что краше въ мірѣ, что милѣе?
Кто можетъ безъ сердечныхъ слезъ,
Безъ радости и восхищенья,
Безъ сладкаго въ крови волненья
Взирать на прелести твои? — *и проч.*

Мои Безд. Ч. II. стр. 133.

ИЗЪ ВОСЬМИ:

Миръ блаженный, чадо неба,
Къ намъ съ оливою летитъ,
И вѣнецъ свѣтлѣе Феба
На главѣ его блеститъ.
Онъ въ дыханіи зефира
Ниспускается въ нашъ край,
И отъ горьнихъ странъ эфира
Въ тьму низноситъ свѣтлый рай. — *и проч.*

Тамъ же, стр. 159.

ИЗЪ ДЕВЯТИ:

Утренняя ясна
Тѣнь золотая!
Краткъ твой блескъ.
Ольга прекрасна,
Ольга драгая!
Тѣнь твой былъ вѣкъ.
Что твое утро
Въ вѣчности цѣлой?
Менѣй, чѣмъ мигъ! — *и проч.*

П. и п. пр. врем. Ч. V. стр. 198.

ИЗЪ ДЕСЯТИ:

Царей и царствъ земныхъ отрада,
Возлюбленная Тишина!
Блаженство селъ, градовъ ограда,
Коль ты полезна и красна!
Вокругъ тебя двѣны пестрѣютъ,
И класы на поляхъ желтѣютъ;
Довольствомъ полны корабли,
Дерзаютъ въ море за тобою;
Ты сыплешь щедрою рукою
Свое богатство по земли. — *и проч.*

Ломонос. Ода 8.

ИЗЪ ДВЕНАДЦАТИ.

Речешь — и двигнется полсвѣта,
Различный образъ и языкъ:
Тавридецъ, чтитель Магомета,
Поклонникъ идоловъ Калмыкъ,
Башкирецъ съ меткими стрѣлами,
Съ булатной саблею Черкесъ —
Ударятъ съ шумомъ въ слѣдъ за нами,
И прахъ полымутъ до небесъ.
Твой Россъ весь міръ дрожать заставитъ,
Наполнитъ громомъ чудныхъ дѣлъ,
И тамъ столпы свои поставитъ,
Гдѣ свѣту цѣлому предѣлъ! —

И мои Безделки, стр. 16.

Остается замѣтить, что Стихотворцы часто употребляютъ во зло присвоенную ими вольность. Часто для риѳмы *настроенъ*, говорятъ они *достоенъ*, хотя непремѣнно должно сказать *достоинъ*; часто ставятъ такія риѳмы, кои совсѣмъ не риѳ-

мы, н. п. *строфъ*, *стишковъ*; часто коверкаютъ они слова странными образами, дѣлаютъ самыя нелѣпыя окончанія, переносятъ даже удареніе совсѣмъ на другой слогъ, нежели на какомъ ему быть должно, и говорятъ, на примѣръ: *мiры*, вмѣсто: *мiры*; *выгоду*, вмѣсто *выгоду*; не рѣдко жъ приходятъ они въ такой восторгъ, что пишутъ цѣлыя тирады безъ *смыслу*, — а все это *для мѣры* и *риѳмы!* Но что сказать о тѣхъ, кои, желая быть *оригинальными*, дѣлаются *странными*; о тѣхъ, для разумѣнія которыхъ, нуженъ новой словарь; о тѣхъ, кои съ удивительнымъ хладнокровіемъ надѣляютъ языкъ нашъ *недѣлимцами*, *круглами*, *самокруглостями*, *ячностію*, *янствомъ*, *голѣмымъ*, *неголѣмымъ*, и проч. и проч? — Что объ нихъ сказать?.... Такая необуздная вольность отнюдь непростительна! Стихотворной языкъ есть музыка. Иногда одна нота, нестройно, неправильно взятая, портитъ всю синфонію. Что жъ есть ли много сдѣлать такихъ неправильностей? . . . Молодые Стихотворцы! замѣтьте это, и старайтесь, чтобы слогъ вашъ былъ

чистъ, текущъ, ровенъ и всегда сообразенъ предлагаемой матеріи; вѣсьте всякую мысль, всякое слово; не гоняйтесь за странностями, и строго наблюдайте, чтобы *рѣчь покарялась разсудку*, какъ своему царю. Въ семъ случаѣ вы свято должны наблюдать законъ, которой предписываетъ вамъ Боало, а Боало былъ великій Стихотворецъ. Онъ говоритъ:

Quelque ſujet qu'on traite, ou plaiſant ou ſublime,
Que toujours le bon ſens s'accorde avec la rime.
L'un l'autre vainement ils ſemblent ſe haïr,
La rime eſt une eſclave, et ne doit qu'obéir,
Lorsque à la bien chercher d'abord on s'evertuë;
L'esprit à la trouver aisement s'habituë.
Au joug de la raison ſans peine elle fléchit;
Et loin de la gêner, la ſert et l'enrichit.
Mais lorsqu'on la neglige, elle devient rebelle;
Et pour la ratraper, le ſens cours aprés elle.
Aimez donc la raison. Que toujours vos ecrits
Empruntent d'elle ſeule et leur luſtre et leur prix.

Замѣчанія наши о *механизмѣ Рускихъ стиховъ* кончаны. Надобно только сказать, что безъ *собственнаго*, со стороны каждаго учащагося, *старанія и упражненія, никакія правила не помогутъ.*

КРАТКІЯ ЗАМѢЧАНІЯ

О разныхъ родахъ стихотворныхъ сочиненій.

Просодія есть наука, содержащая въ себѣ правила о строеніи или механизмѣ стиховъ. Нѣкоторые причисляютъ ее къ Грамматикѣ и, иначе называютъ *Словоударéніемъ*, а другіе къ Поэтикѣ.

Поэтика содержитъ правила о разныхъ родахъ Стихотворныхъ сочиненій. Показать, въ чемъ состоитъ сущность каждаго Стихотворенія, чѣмъ одно отъ другаго разнится, откуда для каждаго изобрѣтается матерія, какъ она располагается и украшается, и наконецъ, что въ нихъ хорошо, и что худо, что превосходно, и что посредственно, показать все это есть долгъ Поэтики.

Риторика и *Поэтика* научаютъ насъ изображать мысли свои приличнымъ и красивымъ слогомъ: одна въ прозѣ, другая въ стихахъ.

Логика научаетъ насъ соединять и связывать правильно идеи или мысли, которыя почерпаемъ мы изъ чтенія книгъ, изъ разсматриванія природы, изъ обращенія съ разумными людьми, изъ путешествій, и проч.

Хотя Поэзія и Краснорѣчіе имѣютъ великое сходство; однакожъ между ними находится, весьма ощутительная разница. Поэзія есть искуство подражать природѣ мѣрною рѣчью; краснорѣчіе также подражаетъ природѣ, только оно не такъ возвышенно, не такъ пышно, не такъ стремительно. Сверхъ того оно говоритъ обыкновеннымъ языкомъ, извѣстнымъ у насъ подъ названіемъ прозы. Поэзіи главной предметъ *удовольствіе*, Краснорѣчія — *польза*: Поэзія наставляетъ, но только побочнымъ образомъ; только потому, что почитаетъ это иногда средствомъ къ достиженію своей цѣли. Краснорѣчіе *всегда* научаетъ; и если оно старается плѣнять и возхищать, то потому только, что надежнѣйшій путь къ убѣжденію есть путь, усѣянный цвѣтами. — Поэзія пользуется всѣмъ, для достиженія своей мѣры и ограничивается одною возможностію. *Восторгъ* и *изступленіе* есть отличительная ея

черта. — Краснорѣчіе всегда важно и степенно. Оно старается только о томъ, чтобы существенно быть полезнымъ. — *Истина* есть всегдашній его *спутникъ*, разсудокъ — его *путеводитель*. Краснорѣчіе можно представить въ видѣ пожилой, степенной, богато одѣтой женщины; а Поэзію въ видѣ молодой, пылкой красавицы, наряженной во все, что только есть блистательно и великолѣпно.

Различные роды стихотвореній можно кажется раздѣлить на

Апологъ, или баснь,

Пастушеское стихотвореніе (*Идилія*, *Эклога*),

Эпическое (*Эпическая* или *Героическая* Поэма),

Драматическое (*Комедія*, *Трагедія* собственно такъ называемая, *Драма* и *Опера*),

Лирическое (*Ода*, *Гимнъ*, *Элегія*),

Дидактическое (*Дидактическая Поэма*, *Сатира*, *Посланіе* или *Эпистола* и *Философическое* въ стихахъ *разсужденіе*) и на

Стихотворенія мѣлкія. Сюда причисляются *Эпиграммы*, *Эпитафіи* и всякаго роду *Надписи*, также *Мадри-*

галы, *Рондо*, *Сонеты*, *Тріолеты*, *Пѣсенки* и проч.

1. АППОЛОГЪ.

Аллологъ или Баснь есть не большое иносказательное (аллегорическое) сочиненіе, въ которомъ подъ видомъ животныхъ, а иногда растѣній и другихъ неодушевленныхъ вещей, представляются люди съ ихъ недостатками. — Цѣль его — *нравоученіе*, которое иногда ставится въ началѣ, а иногда выводится на концѣ. Отличительныя черты его: *краткость*, *непринужденность* и *натуральность* какъ въ самомъ дѣйствіи, такъ въ словахъ и выраженіяхъ. — Знатнѣйшіе древніе Баснописатели: *Езопъ* и *Федръ*; изъ новѣйшихъ: *Лафонтенъ*, *Ла мотть*, *Сумароковъ*, *Дмитріевъ*, *Хемницеръ* и проч.

2. БУКОЛИЧЕСКОЕ ИЛИ ПАСТУШЕСКОЕ СТИХОТВОРЕНІЕ.

Въ *Пастушескомъ* стихотвореніи описывается сельская жизнь, со всѣми прелестями. Оно двоякаго роду: *Идиллія* и *Эклога*, которыя въ основаніи своемъ значатъ одно и тоже. Все различіе между *Идилліею* и *Эклогою* состоитъ

въ томъ, что въ первой болѣе представляется дѣйствія, а во второй болѣе описанія, болѣе чувствъ и проч: мѣстами или сценами сочиненію сему служатъ лѣса, горы, долины, дерева и проч: а дѣйствующими лицами пастухи, пастушки, поселяне, или поселянки. Слогъ въ немъ долженъ быть самой простой. Если пастухъ что нибудь повѣствуетъ: разказъ его долженъ быть самой обыкновенной и приличной пастушескому состоянію. — Изъ древнихъ отличились въ семъ родѣ: *Теокритъ*, *Мосхъ*, *Біонъ*, *Виргилій*; а изъ новѣйшихъ: *Сегре*, Гжа. *Дезульеръ*, *Клейстъ*, *Сумароковъ*, а особливо *Геснеръ* и нѣкоторые другіе.

3. ЭПИЧЕСКІЯ ТВОРЕНІЯ.

Это есть самое большое стихотворное сочиненіе, въ которомъ описываются важныя историческія произшествія, имѣющія вліяніе на цѣлой какой нибудь народъ, и продолжающіяся долгое время.

Предметъ *эпическаго* стихотворенія возвысить душу читателя, возбудить въ немъ благородныя чувства и вообще поразить его *удивленіемъ*, слѣ-

довательно Стихотворецъ имѣетъ право истощить здѣсь всю чудесность, всѣ очарованія и всѣ сокровища Поэзіи; онъ оживляетъ природу, одушевляетъ бездушные предметы, воплощаетъ или даетъ наружный видъ пороку и добродѣтели, творитъ чудовищъ и вымышляетъ все, ограничиваясь одною вѣроятностію. Хотя основаніемъ сего стихотворенія должно быть историческое произшествіе; но Поэтъ отнюдь не держится порядку, какимъ оно происходило. Начало дѣлаетъ концомъ, конецъ началомъ, или срединою, по собственному его произволу.

Знатнѣйшіе эпическіе Поэты изъ древнихъ: *Гомеръ*, *Виргилій;* изъ новѣйшихъ: *Тассъ*, *Камоенсъ*, *Вольтеръ*, *Клопштокъ*, *Херасковъ* и проч:

4. ДРАМАТИЧЕСКОЕ СТИХОТВОРЕНІЕ.

Комедія есть Драматическое сочиненіе, въ которомъ осмѣиваются пороки и недостатки человѣческіе. Здѣсь Стихотворца не видно; а дѣло представляется дѣйствующими лицами на сценѣ. Она должна научать и смѣшить. — Изъ древнихъ болѣе отличились въ семъ родѣ: *Плавтъ*, *Теренцій;* а изъ новѣй-

ихъ: *Мольеръ*, *Реньяръ*, *Мариво*, *Коцебу*, *Сумароковъ*, *фонъ Визинъ*, *Княжнинъ* и многіе другіе.

Трагедія есть Драматическое сочиненіе, въ которомъ сильными, живыми и рѣзкими красками изображаются страсти наши и пагубныя ихъ дѣйствія. Это, можно сказать, картина сердца человѣческаго, его недостатковъ, его заблужденій, его добродѣтелей и произтекающихъ оттуда полезныхъ и пагубныхъ слѣдствій. — Основаніемъ Трагедіи бываютъ важныя, по большой части истинныя произшествія, имѣющія конецъ трогательный и разительный. Часто случается, что Поэтъ удерживаетъ только одни имена Историческія своихъ Героевъ; а дѣйствовать и говорить заставляетъ такъ, какъ ему покажется лучше, для достиженія моральнаго предположенія Трагедіи. Конецъ, какъ древніе думали, и какъ думаютъ новѣйшіе, состоитъ въ томъ, чтобъ возбудить въ зрителѣ *страхъ и сожалѣніе*. Но какъ *страхъ и сожалѣніе* въ моральномъ смыслѣ могутъ быть для насъ полезны? Это не совсѣмъ понятно. Разные ученые разнымъ образомъ это понимаютъ и толкуютъ. — Не останавливаясь на сей трудности, мнѣ

кажется, можно яснѣе и короче сказать, что цѣль Трагедіи — возбудить въ зрителѣ всю силу чувствительности и любовь къ добродѣтели. Когда Авторъ растрогалъ сердце наше, заставилъ насъ принять живое участіе въ добродѣтели; когда вдохнулъ въ насъ сострадание къ нещастному; когда представляя намъ бѣдствія другихъ, здѣлалъ насъ благоразумнѣе, заставилъ примѣчать тщательнѣе за собственными своими поступками; заставилъ избѣгать тѣхъ заблужденій и погрѣшностей, въ которыхъ находились подобные намъ люди: тогда онъ совершенно достигъ нравственной цѣли Трагедіи; дѣйствующіе здѣсь Герои должны быть знамениты: *Цари*, *Князья*, *Полководцы*, *Вельможи* и проч: но могутъ иногда быть и средняго состоянія люди; и въ такомъ случаѣ Трагедія называется *Мѣщанскою*, хотя очень худо. Трагедія отличается отъ Эпопеи 1е тѣмъ, что въ ней не имѣетъ мѣста чудесность; 2е, что въ ней произшествіе представляется на Театрѣ, а не повѣствуется; 3е, что конецъ ея возбудить *страхъ и сожалѣніе*, а Эпопеи — удивленіе. Знатнѣйшіе Трагики, древніе: *Есхилъ*, *Софоклъ и Еврипидъ*, новѣйшіе: *Шакспиръ*, *Шил-*

леръ, Корнель, Аддисонъ, Расинъ, Вольтеръ, Сумароковъ, Княжнинъ, Херасковъ, Озеровъ.

Собственно такъ называемая *Драма*, есть сочиненїе, въ которомъ представляются произшествїя, большею частїю вымышленныя, но естественныя, правдоподобныя, гдѣ живо изображается сила и дѣйствїе страстей человѣческихъ. Драма болѣе имѣетъ сходства съ Трагедїею, нежели съ Комедїею. — Только *завязка* въ ней печальная, а *развязка* веселая. Древнимъ не извѣстенъ былъ сей родъ сочиненїй, изъ новѣйшихъ же многїе въ немъ отличились, особливо *Коцебу*. —

Опера есть Драматическое сочиненїе, которое содержанїемъ своимъ подобно иногда Комедїи, иногда Трагедїи и Драмѣ, а отличается тѣмъ, что Герои ея болѣе поютъ, нежели говорятъ. Въ этомъ родѣ отличились *Италіанцы*, а послѣ нихъ *Французы*.

5. ЛИРИЧЕСКОЕ СТИХОТВОРЕНІЕ.

Подъ Лирическимъ стихотвореніемъ разумѣются *Оды*, *Гимны*, *Дивирамбы*. Въ этомъ сочиненіи содержится изліяніе незапныхъ чувствъ восторга, радости, удивленія и проч. Первоначальныя Оды были пѣты соглашаясь съ музыкальнымъ инструментомъ, у древнихъ подъ именемъ Лиры извѣстнымъ; и Оды, по этой причинѣ, называются *Лирическимъ* стихотвореніемъ. Ихъ можно раздѣлить на четыре рода: 1е, *Оды священныя*, или *Гимны*. Предметъ ихъ прославленіе Бога; изліяніе чувствъ благодарности, и вообще что нибудь священное. Въ семъ родѣ наиболѣе отличился Царь и Пророкъ *Давидъ*; Псалмы его почитаются неподражаемымъ образцомъ Лирическаго, священнаго пѣснопѣнія. — 2е, *Оды Героическія или торжественныя*; въ нихъ воспѣваются Герои и знаменитыя ихъ дѣянія. Онѣ также пишутся на радостные какіе нибудь случаи: на рожденіе, тезоименитство Государя, восшествіе на престолъ, одержаніе побѣды, заключеніе мира, и проч. Въ семъ родѣ изъ древнихъ болѣе отличился *Пиндаръ*, частію *Горацій*, а изъ новѣйшихъ: *Ж. Б. Руссо*, *Ла-*

Мотъ, *Ломоносовъ*, *Державинъ* и другїе. 3е, Оды *нравственныя* или *философскія*; предметъ ихъ: — уроки истинны и добродѣтели. Въ семъ родѣ изъ древнихъ извѣстнѣйшїе: *Горацій*, а изъ новѣйшихъ *Державинъ* и нѣкоторые другїе; наконецъ 4е, Оды *Анакреонтическія*; въ нихъ воспѣваются удовольствїя жизни, чувственныя наслажденїя, пріятности дружбы и т. д. Въ семъ родѣ изъ древнихъ болѣе отличились: *Анакреонъ*, *Алцей и Сафо*; изъ новѣйшихъ *Державинъ* и многїе Французскїе Поэты. — Отличительная черта Оды особливо *священной и героической*, или *торжественной*, *энтузіазмъ* и нѣкоторой искуственной *безпорядокъ*, какъ говоритъ *Боало*.

Къ Лирическимъ стихотворенїямъ причисляютъ нѣкоторые и *Элегію*. Это такое сочиненїе, въ которомъ содержится изліянїе горестныхъ чувствъ, стѣсненнаго скорбїю сердца. Оно пишется на какое нибудь печальное произшествїе, на кончину и проч. и слогъ въ семъ сочиненїи долженъ сходствовать съ описываемою матерїею, долженъ быть печальной, трогательной, медлительной, и проч. Изъ древнихъ Элегическихъ Стихотворцовъ, извѣстнѣйшїе;

Тибуллъ, *Пролерцій и Овидій*, изъ новѣйшихъ *Грей*, *Сумароковъ*; но кажется этотъ родъ теперь оставили. Впрочемъ нѣкоторые смѣшиваютъ *Идиллію* съ *Элегіею*.

6 ДИДАКТИЧЕСКОЕ СТИХОТВОРЕНІЕ.

Дидактическое (учебная или поучительная Поэма) есть сочиненіе, въ которомъ содержатся правила о какомъ нибудь предметѣ, украшенныя побочными обстоятельствами, или Эпизодами. Сюда относится Поэма *Лукрецієва* о натурѣ вещей, Стихотворная *Горацієва* наука (ars Poetica), l'art Poëtique *Боалова*, *Делилева* поэма *о садахъ*, *Вагелева* о живописи, *Поле* опытъ о человѣкѣ, *Томсоновы* времена года, *Хераскова* плоды наукъ и проч:

Сатира есть сочиненіе, весьма сходствующее съ Комедіею, потому что въ ней также осмѣиваются пороки; но отъ Комедіи она тѣмъ отличается, что не представляютъ ее на Театрѣ, а шутъ Стихотворецъ говоритъ отъ себя. Древніе знатнѣйшіе Сатирики: *Ювеналъ*, *Горацій*; а новѣйшіе: *Боало*, *Рабенеръ*, *Кантемиръ* и другіе.

7. МѢЛКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

Эпиграмма есть маленькое Стихотворное сочиненіе, содержащее въ себѣ какую нибудь острую мысль, кратко и удачно выраженную. — Изъ древнихъ отличился въ семъ родѣ *Марціалъ*, а изъ новѣйшихъ *Боало* и другіе.

W289

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Dec. 2006

PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

WERT
BOOKBINDING
Grantville, Pa.
Sept.-Oct. 1988
We're Quality Bound

LIBRARY OF CONGRESS

00014394515